

В. Волосков

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

На ПЕРЕПУТЬЕ

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вингек 12

Лепное
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 5 6 3

В. ВОЛОСКОВ

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Костя Паздеев, бывший десятиклассник, поступил работать в гидрогеологическую партию. Трудно даются ему первые трудовые шаги. И дело вроде не нравится, и люди кругом не такие, как хотелось бы... Но постепенно герой повести убеждается, что он не прав, влюбляется в свою профессию, узнает много хороших людей.

Автор этой повести Владимир Васильевич Волосков родился в 1927 году в Омутнинске Кировской области. С детских лет жил и учился в Свердловске. В 1944 году ушел добровольцем во флот. После демобилизации в 1950 году работал в геологических и гидрогеологических партиях. В 1955 году, в результате несчастного случая, жестоко заболел. Парализован. Заново учился писать. Стал пробовать себя в литературе. Живет сейчас в городе Верхняя Пышма Свердловской области. В 1961 году в Пермском книжном издательстве вышла его первая повесть «Сыч». В том же году в Свердловске отдельной книжкой напечатан рассказ «Мишка Кайнозой», а в 1962 году в Перми также отдельной книжкой вышел рассказ «Эгоистка».

Художник Ю. Лихачев

НА ПЕРЕПУТЬЕ

О том, как я провалился на вступительных экзаменах в политехнический институт, рассказывать не стоит. Ничего тут интересного нет. Провалился — и все тут. Здесь все ясно. Не ясно было одно: что делать дальше. И как я додумался до того, что радиотехника мое призвание, — до сих пор понять не могу.

Из окон нашего дома была видна высоченная телевизионная мачта. Наверно, тогда, когда я бессмысленно глазел на нее, зазубривая формулы перед экзаменами на аттестат зрелости, и родилась

у меня гениальная догадка, что не кто иной, как я, должен осчастливить своим вниманием эту науку. Не менее гениально провалившись, я вдруг сделал скромное открытие, что мне, вчерашнему школяру, считавшему четверку по физике пределом мечтаний, в радиотехнике, собственно, делать нечего. Да что говорить! Кто после десятилетки не делал подобных открытий... За школьной партией узнаешь многое, но не всегда узнаешь себя. Слишком она низка, чтобы с ее высоты можно было окинуть взглядом мир и найти в нем свое настоящее место...

В общем, я провалился. Вы можете себе представить настроение здорового восемнадцатилетнего детины, который вдруг понял, что он уже взрослый, и вместе с тем, по существу, дармоед. Здорово! Получить аттестат зрелости для того, чтобы понять, что ты еще ни для чего не созрел!

Вероятно, эти настроения и побудили меня кинуться по первому вычитанному в газете объявлению в отдел кадров геологического управления.

И вот я почти сутки еду в тряском вагоне пассажирского поезда, упорно рассматриваю проплывающие за окном пейзажи, жую вкусные мамины подорожники... Зачем я еду? Чего хочу найти в не известной мне Новоуральской гидрогеологической партии? Я и сам не знаю. Еду, чтобы работать простым рабочим, и уже несколько не чувствую себя гениальным. Может быть, через год, со справкой о производственном стаже, опять попробую куда-нибудь поступить. Куда — будет видно. Это ведь через год. А сейчас я твердо знаю только то, что еду зарабатывать себе на жизнь, себе на хлеб.

Папа с мамой, провожая меня, говорили, чтобы я был серьезным, прилежным и не искал веселой

жизни. Я ее и не собираюсь искать. Даже с моим десятиклассным кругозором ясно, что в глухой уральской тайге искать веселья все равно что решать задачу со всеми неизвестными.

От этого убеждения, а может быть, от гнетущего чувства беспомощности великовозрастного сунка, впервые оказавшегося без папы и мамы, на душе у меня скребут кошки. Нет, я не жду веселья. Куда там. Как бы не зареветь у этого вагонного окошка при всем честном народе.

Вопреки ожиданиям, село Пристанское, в котором базировалась партия, оказалось действительно селом, а не грязным хутором с курными избами. Высокие пятистенники и рубленые крестовые дома шеренгой выстроились вдоль щебенистого шоссе. Их яркие наличники и крашеные палисадники неожиданно весело улыбнулись мне, когда я вышел на вершину горы, через которую переваливала идущая со станции дорога. Пораженный открывшейся мне красотой, я невольно остановился.

Большое село раскинулось в речной долине, зажатой с обеих сторон серыми зубастыми скалами. Их вознесшиеся на стометровую высь острые клыки были увиты зеленью, и мне почему-то показалось, что это не скалы, а древние рыцарские замки вознесли отвесные стены над широкой рекой и нацелились бойницами на прижавшееся у их подножия поселение. Во мне неожиданно проснулся романтик. Я смотрел на переливавшуюся под солнцем поверхность бурливой реки, петлявшей между утесами, на рассыпавшиеся вдоль речной террасы

веселые домики и старался вспомнить, где и когда я видел что-то похожее.

— Красота! Вторая Швейцария! — скрипуче и громко произнес кто-то сбоку.

Я вздрогнул и, оглянувшись, увидел рядом с собой шуплого человечка в непомерно широком дождевике. Он тоже смотрел вниз, на село, и в лучах заходящего солнца его небритая рыжая щетина веселым медным блеском сияла на худощавом лице.

— Ага... — только и нашелся сказать я, сразу вспомнив картинки из учебников.

— Нет... Даже лучше! — отрывисто высказался человечек и спросил: — Видать, в партию?

— Ага...

— Пойдем. До конторы доведу.

В конторе меня быстро определили в общежитие. Начальник партии с добродушным любопытством окинул недолгим цепким взглядом меня, мои документы и тут же приказал выдать постельные принадлежности, спецовку. Не оказалось никаких равнодушных чиновников, нерях-завхозов и грубых комендантов, к встрече с которыми я заранее приготовился, начитавшись дома, по совету папы, современных «производственных» романов.

Нагруженный постельным бельем, перекинув через плечо вкусно пахнувшие новые кирзовые сапоги, я уже увереннее зашагал по деревенской улице вслед за тем же человечком в плаще, которого начальник попросил довести меня до общежития.

В просторной деревенской горнице, уставленной железными койками, человечек представил меня бойкой старушке, хозяйке дома, и, выждав, пока я свалю ношу на указанную мне угловую койку, тоном приказа сказал:

— Вот. Устраивайся. Завтра к восьми ноль-ноль быть в конторе!

— Ладно... — пренебрежительно отмахнулся я.

Властность его скрипучего голоса мне почему-то не понравилась. «Тоже мне... Командир плюгавый выискался...» — с раздражением подумал я и сделал вид, что не слышал, когда он попрощался.

Я — ГИДРОМЕТРИСТ

Утром так хорошо начавшаяся было на новом месте жизнь была омрачена. Маленький человечек оказался моим начальником. Техрук партии определил меня в гидрометрический отряд. Выскочив из конторы, я стал искать его началь-

ника и был немало удивлен, узрев указанную мне шуплую фигурку, копошащуюся возле склада.

— Вы и есть Николай Петрович Евдокимов? — спросил я и по его усмешке понял, что у меня, очевидно, был весьма дурацкий вид.

— Да. Я — Николай Петрович Евдокимов.

— Начальник гидрометрического...

— Да. Начальник гидрометрического отряда.

— Хм...

Ехидно прищутив черные булавчатые глазки, Евдокимов осмотрел меня с ног до головы и зашел сбоку, чтобы полюбоваться в профиль. Понимая, что поступаю нелепо, и злясь на свою глупейшую

улыбку, я почему-то покорно стал разворачиваться вслед за ним вокруг своей оси.

— Оч-чень х-хорошо... — довольно крикнул он, как лошадиник после удачной покупки на конном базаре, и мотнул головой в сторону:

— Знакомьтесь с коллегами.

И я, будто подчиняясь вожже, как послушная лошадь, неуклюже потопал к «коллегам».

Их оказалось двое. Пожилой мужчина с вислыми, желтыми от табака, усами и молодой парень с круглым веснушчатым лицом, дожевывающий картофельную деревенскую шаньгу.

— Костя Паздеев, — уныло представился я.

Усатый только молча кивнул и как ни в чем не бывало продолжал сворачивать цигарку. Рыжий парень дожевывал шаньгу, обтер пальцы о брезентовую куртку и, вкусно чавкнув, сунул мне пятерню.

— Гошка... Трапезников... А это — дядя Егор, — качнул он круглой головой на пожилого.

Усатый опять только кивнул.

Итак, я — гидрометрист. В нашем так громко именуемом «отряде» всего четыре человека. Начальник, коновозчик дядя Егор и мы с Гошкой — весьма интеллигентные рабочие, так как нам доверены обязанности младшего технического персонала. Мы с Гошкой втайне этим все же гордимся и ждем не дождемся, когда нас переведут приказом в настоящие ИТР. Судя по всему, это будет не скоро, так как прежде мы должны освоить специальность наблюдателей-гидрометристов «на ять», как программно определил Евдокимов, то есть научиться работать самостоятельно.

А сейчас мы вместе с Евдокимовым разъезжаем по рекам и речушкам, замеряем так называе-

мый «расход», иначе говоря, определяем, сколько воды протекает по створу за секунду или за час, оборудуем водосливами все роднички и источники и везде ставим рейки для замера уровня воды. Я не совсем понимаю, для чего это все делается, и Гошка покровительственно (он поступил на работу тремя днями раньше меня) разъясняет что к чему.

— Рейки эти... как тебе... Чтобы следить за уровнем воды в реке или источнике... Чтобы видеть, больше воды или меньше. Понятно? А водосливы — это... Они, в общем, видишь, имеют определенной конфигурации отверстие для слива воды. Подошел с линейкой, смерил толщину слоя вытекающей воды — порядок! Дебит известен. Это — сколько воды источник в секунду дает. Понятно?

Мне не совсем понятно, но обратиться к Евдокимову за разъяснением я не могу. Вернее, не хочу. Что-то в моих отношениях с ним сразу пошло не по тому пути...

Гошка — местный житель. Он, как и я, нынче окончил десять классов и не прошел по конкурсу в медицинский институт. Не в пример мне, он отнесся к этому весьма философски, весело подытожив:

— Что мне медицинский... Я там, что селедка в компоте. Мне что-нибудь такое надо...

Что именно такое ему надо — он и сам не знает. Говоря так, он выпячивает толстые губы и вертит растопыренной пятерней перед утиным носом.

— Ничё те не надо, — флегматично цедит дым сквозь желтые усы дядя Егор и подстегивает лошадь.

— Ну да! — тарашит серые кошачьи глаза Гошка, припрыгивая рядом с телегой. — Мне бы на бурение попасть! Во, я понимаю... Заработки!!!

То, что его определили не на бурение, а в «гидрометрию», — единственное, что иногда портит Гошке настроение. В гидрометрии он понимает немногим больше меня, а на бурении все ясно: бурй, разведывай руду — и заработок больше.

Ясность цели и смысл в жизни — основная потребность молодости. Я Гошкины огорчения разделяю вполне. Мне тоже хочется на бурение, хотя бы потому, чтобы не быть в подчинении у Евдокимова.

Евдокимов мне не нравится. Почему? Я и сам толком не знаю. Может быть, из-за скрипучего властного голоса, которым он отдает распоряжения. Мной еще никто и никогда так не командовал, и потому все время кажется, что начальник ни во что не ставит ни десять классов образования, ни мое самолюбие. В его отрывистых командах мне все время чудится пренебрежение к моему чувству собственного достоинства. Это злит, раздражает, и я, как молодой петушок, топорщусь при каждом замечании в свой адрес.

Впрочем, Евдокимов на все мои старания продемонстрировать свою независимость не обращает ровно никакого внимания. Он всегда идет впереди, отмеряя удивительно широкими для такого маленького человечка шагами километр за километром. У очередного гидрометрического пункта он отрывисто говорит, кому что делать, раскинув плащ на траве, — садится и придирчиво наблюдает за каждым нашим движением. Здесь от него ничего не укроется. Он заметит любую оплошность. Цепкий взгляд его маленьких глаз будто гипнотизирует меня, и всегда я чувствую себя скованно и очень напряженно. Это меня злит и, чертыхаясь в душе, я каждый раз клянусь, что вечером пойду в контору

и обязательно попрошу о переводе на бурение. Очевидно, я так бы и поступил, если бы не один случай.

Мы замеряли с Гошкой расход реки. Для замера определили постоянное место — створ, где был точно измерен поперечный рельеф дна (от берега до берега). По водомерной рейке мы всегда видели, на сколько понизился или повысился уровень воды в реке, и поэтому знали точную площадь створа. Для того чтобы определить, сколько воды протекает через створ, мы должны были в разных точках измерить скорость течения: у дна, у поверхности, у берегов, посередине. Для этого через реку был перетянут размеченный через равные промежутки трос, и у каждой отметки мы с лодки на разных глубинах замеряли эту скорость. Делалось это при помощи гидрометрической вертушки с лопастями, от контактов которой шли провода в лодку, к счетчику числа оборотов. Мы закрепляли вертушку на металлической штанге, ставили штангу на дно, надевали наушники и при помощи счетчика и секундомера отсчитывали, сколько оборотов в минуту делают лопасти вертушки (один шелчок в наушниках — один оборот). Замерив скорость течения у дна, поднимали вертушку выше по штанге, и так на всех отметках по всему створу. Течение в реке быстрое, и потому, чтобы держать штангу прямо, нужно было немало усилий.

Отработав свою норму с вертушкой, я передал штангу Гошке, а сам сел за счетчик. Закрепленную за трос лодку чуть-чуть побалтывало.

— Готов? — спросил Гошка.

— Ага...

Он стал опускать штангу в воду. Быстрая, упругая водяная струя ударила по лопастям вертушки,

и штанга, вырываясь из Гошкиных рук, нырнула в сторону. Он подался к корме и, перевалившись через борт, старался упереть ее в дно. «Вывалится!» — вздрогнул я и рванулся к Гошке, чтобы ухватить его за штаны. Лодка качнулась, и в то же мгновение перед моим носом мелькнули стоптанные каблуки Гошкиных сапог. Через какую-то секунду его темно-желтые вихры показались из воды уже в нескольких метрах от лодки.

Все произошло настолько быстро, что на Гошкиной круглой веснушчатой физиономии еще не было ничего, кроме изумления. Большие серые глаза его взглянули на меня из-под мокрых коротких ресниц, тут же потемнели, лицо Гошки перекошилось от страха, и над рекой гулко понесся крик отчаяния. Я хорошо плаваю, и потому мне особенно стыдно вспомнить, как я, вместо того чтобы броситься на помощь товарищу, растерянно шлепнулся от этого крика на скамью и тоже заорал не своим голосом.

В то же мгновение в воздухе мелькнула щуплая фигурка, с громким всплеском ахнула в воду, и вскоре отрывистый, резкий голос Евдокимова пролаял:

— Егор, веревку!

Начальник подхватил судорожно барахтающегося Гошку и, отгребаясь одной рукой, с большим трудом удерживал его на поверхности. Я перестал орать и заметался по лодке.

— Помочь?

Но мне не ответили. Обычно медлительный, Егор удивительно быстро и ловко забросил в воду веревку и уже вытягивал из реки ухватившегося за

нее Евдокимова с повисшим на его руке ошалевшим от страха Гошкой.

— Так откуда я знал, что он плавать не умеет. Я думал... — виновато оправдывался я после. — Кто его знал...

— У страха глаза велики, вот и запомнил... — с философской рассудительностью заметил Егор, сматывая веревку, а Евдокимов посмотрел на меня таким взглядом, что от жгучего стыда я готов был провалиться сквозь землю. «Уйду... Сегодня же. К черту!» — категорически решил я, стараясь не смотреть на разнесчастного Гошку. Но, конечно, не ушел. Еще не хватало, чтобы обо мне сказали, будто я перепугался и удрал с рискованной работы.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

К моему удивлению, насмерть перетрусивший Гошка тоже не перевелся из гидрометрического отряда. Он, кажется, влюбился в нашего неказистого на вид начальника и готов был лезть по его приказанию,

несмотря на водобоязнь, хоть на дно реки.

— Наш Петрович — сила! — беззащитно расхваливал он Евдокимова. — Ты думаешь, он только гидрометрию знает? Дудки! Он — инженер-гидрогеолог. Да еще какой! Его настоящее дело — гидрогеология. А гидрометрией ему так... поневоле при-

ходится заниматься. Потому что в партии этим делом больше руководить некому. Специалистов нет.

Я и вправду заметил, что, бывая на поисковых участках, Евдокимов сразу как-то ободрился, становился более подвижным и даже чуть веселым. Пока мы медленно тащились за подводой, он успевал обегать несколько буровых вышек, посмотреть керны — толстенные, почти в обхват, цилиндрические столбики породы, поднятые из скважин, полистать буровые журналы. Особенно долго он задерживался около насосов, ведущих опытную откачку подземных вод из широченных гидрогеологических скважин: замерял дебит, придирчиво рылся в журналах, выискивая что-то, сам измерял уровень воды в скважинах, в которых проводились опыты. И дежурные коллекторы на вышках, и наблюдатели на опытных откачках относились к нему с уважением, с готовностью выполняли любое указание. Это как-то не вязалось с моим нелестным мнением о своем начальнике, и я поэтому, пожалуй, стал внимательнее прислушиваться к его неторопливым беседам с Гошкой.

— А для чего это воду из скважины качают? — спрашивает Гошка.

— Чтобы определить, насколько обводнено месторождение на данном участке, какова водообильность пород, их водоотдача.

— А для чего это?

— Если, к примеру, мы начнем проходить здесь шахту, — скрипуче и терпеливо пояснял Евдокимов, — то будем знать, какой приток воды ожидать на разных глубинах при проходке ствола. Отсюда, значит, заранее рассчитаем мощность насосов,

необходимых для водоотлива. Чтобы проходчиков и технику не погубить...

— Видал! — восхищенно говорил мне потом Гошка. — Голова!

Погожее летнее утро расплескалось над лесистыми хребтами праздничной синевой неба, подзолоченного теплыми лучами поднявшегося из-за гор солнца. Наш маленький караван неторопливо двигается по раззелененному взгорью, и я могу сколько угодно любоваться расцвеченной солнцем красой горного лесного края. Под порывами легкого ветерка о чем-то тихо перешептываются березы, а земля, укрытая зеленым покрывалом лугов, сверкает сочными травами, радуется глаз обилием цветов и ягодников.

Хорошо! Кажется, в это утро я впервые открыл и понял красоту и обворожительную неповторимость уральской природы. Я иду позади всех и в изумлении смотрю по сторонам, как истый городской житель восторгаясь по-новому открывшейся прелестью земли.

Рано утром прошел небольшой дождь, и воздух сейчас напоен такой свежестью и таким ароматом, что, казалось, делает меня каким-то легким, почти невесомым. Я иду, жадно вдыхаю эту не похожую ни на что ароматную свежесть и безотчетно радуюсь тому, что я здесь, что я могу все это видеть и чувствовать. Сейчас меня не расстраивает даже то, что я в «гидрометрии» и в подчинении у Евдокимова.

Как такое состояние называют поэты? На уроках литературы, помнится, нам часто зачитывали

пейзажные зарисовки из произведений классиков. Ерунда! Бумажные восторги! Этого ничем не опишешь, это можно только чувствовать.

В памяти почему-то воскресают стандартные эпитеты, много раз слышанные и навсегда усвоенные. «Воздух... чистый, прозрачный, ароматный, благоухающий, бодрящий...» Чепуха какая! Не то! Привставая на цыпочки, я вытягиваю шею в сторону расплеснувшихся под нами, в долине, лугов и стараюсь понять, чем так напоен воздух. Дышу долго и старательно. Нет, не поймешь.

Дядя Егор сидит на телеге, небрежно придерживая провисшие вожжи, и смотрит на меня. Моя поза, ясное дело, забавляет его.

— Что, дух по нраву? — вдруг спрашивает он.

— Ага... — признаюсь я. — Здорово хорошо!

— А как же, — убежденно бормочет Егор, тоже оглядываясь на луга. — Клубничное время... Как же иначе.

Клубничное! Я опять принимаюсь. Ну да! Конечно же! В воздухе разлит тонкий, пряный запах вызревающей клубники. Я радостно хохочу от этого открытия, вприпрыжку иду по обочине дороги и рассказываю Егору о невежестве знаменитых классиков. Он понимающе кивает, бормочет что-то и с глубокомысленным видом закуривает. Табачная вонь, как удар палки, отгоняет меня от телеги. Я, кажется, даже фыркнул при этом, и Егор с девственным изумлением рассматривает мою сморщенную физиономию. Нет, сердиться на него я не в состоянии. На него сердиться невозможно. Я только отхожу в сторону.

А щедрое солнце по-прежнему льет на нас золо-

тое тепло. Я бреду по маслянистой, густой траве, и все мое существо, существо урожденного горожанина, протестует против такого бесхозяйственного использования этого жаркого золота, льющегося на нас из прозрачной синевы неба. Я скидываю с себя одежду и остаюсь только в трусах. На ногах у меня сапоги. Широкие раструбы их больно трут голые икры, но что ж такого... Зато солнце! Разве упустишь такую возможность позагорать!

Деревенские жители удивительно пренебрежительно относятся к солнцу. Им и в голову не придет принять солнечную ванну. Вон Егор с Гошкой и не думают раздеваться. Дядя Егор сидит в своей рабочей, добела выгоревшей гимнастерке и опять удивляется на меня. В глазах его можно прочесть: «Чудной же народ эти городские... Будто и солнца не видывали».

Сегодня мы будем «привязывать» наши гидрометрические створы. Что это такое — я понятия не имею. При размышлении над этим словом мне все вспоминается привязанная к пряслу длинной веревкой соседская корова, которая пасется за огородами, так как ее почему-то нельзя пускать в стадо.

Для «привязки» у нас есть особый инструмент. На телеге лежат длинные рейки, исписанные черными и красными цифрами, какие-то колышки, штатив и ящик с прибором. Утром в конторе, косясь на Евдокимова, Гошка многозначительно пояснил мне шепотом: «Нивелир». Что это такое, я толком не знаю, хотя в школе, на занятиях по физике, помнится, нам говорили что-то про него. Точно. Говорили. Только я не помню. Ох, и отменный был ты лентяй, Костюха Паздеев!

Топографа с нами нет, значит, командовать парадом будет опять же Евдокимов. Обтянутый синей тенниской, он как всегда идет впереди, скинув неизменный плащ и пиджак к Егору на телегу. В одной рубашке наш начальник кажется еще тщедушнее и меньше, чем обычно, но голову он держит гордо, высоко и, уверенно отмеряя широкие шаги, возглавляет нашу маленькую колонну. «Ишь, как добрый генерал, отшагивает!» — почему-то позавидовал я его легкой походке.

Мои размышления были прерваны самым неожиданным образом. Наша смиренная лошадь вдруг захрапела и резко свернула с дороги, стремясь повернуть назад. От удара оглоблей я отлетел в сторону, но на ногах удержался. Мирно покуривавший дядя Егор свалился с телеги носом в дорожную пыль. Несмотря на это, он пришел в себя раньше нас с Гошкой.

— Хватай за узду! — сердито гаркнул он, выплевывая изо рта грязь и разжеванную самокрутку, не отпуская натянутые вожжи.

С довольно неожиданной для себя храбростью я первым кинулся к бьющейся в оглоблях лошади. Тотчас же рядом со мной на поводьях повис Гошка. Лошадь храпела, пятилась, взбивала копытами пыль, и мы с трудом сдерживали ее.

Что она? Вzbесилась?

Меж тем дядя Егор уже встал на ноги и, передав вожжи подбежавшему Евдокимову, очень неторопливо, как мне показалось, взял с телеги двустволку, которую всегда возил с собой. Слегка при-

гнувшись, изготовив ружье, он медленно пошел через дорогу в ту сторону, куда была обращена оскалившаяся от ужаса лошадиная морда. Там, в кустах, в глубине леса, что-то трещало, стучало, билось... Вот этот треск все сильнее, ближе... и вдруг, чуть не налетев на приостановившегося дядю Егора, из лесной чащи огромными прыжками вынесся большущий лось. Окинув нас затравленными, обезумевшими глазами, он присел от неожиданности на задние ноги, но через какое-то мгновение, высоко вздернув голову, сделал стремительный скачок вбок и в тот же миг скрылся в зарослях по другую сторону дороги.

Я успел заметить, что его грудь и шея густо раскрашены широкой полосой крови.

Кажется, Гошка что-то прокричал, но я его не понял. Внутри у меня противно екнуло, и ноги сами собой неожиданно дрогнули. Не держись я мертвой хваткой за узду, тут же сел бы на землю. Стремительно разорвав зеленую завесь кустов, тотчас вслед за лосем из лесу вывалилось что-то огромное и лохматое. Оцепенев на мгновение, эта мохнатая куча грозно зарычала, выпрямилась, и я увидел вставшего на дыбы медведя. Если говорить правду, в тот миг я и не знал, что это медведь. Об этом я узнал позже. Тогда я видел оскаленную пасть, маленькие налившиеся кровью глазки, огромные лапы... Между нами была только дорога, пятнадцать метров серой земли, и на этой узкой полоске единственная наша защита: старенькое ружье в руках пригнувшегося дяди Егора.

Очевидно, встреча с людьми для медведя была еще большей неожиданностью, чем для лося, так как он дольше стоял на месте, ошетилившись

вставшей дыбом шерстью. Мы замерли, и зверь замер. Потом он издал дикий рык, кинулся к нам...

Если сказать правду еще раз, я не слышал выстрелов, а если точнее — не понял, что прогремели именно они, потому что в это же время наша лошадь рванулась из оглобелей. Я даже не видел, как отлетели в сторону Гошка с Евдокимовым. От толчка я потерял равновесие, отпустил узду, но в тот же момент уцепился за убежавшие вожжи.

Тогда мне показалось, что лошадь очень долго волокла меня по траве и кустам. Потом я сам здорово удивился, увидев, что до дороги рукой подать. Почему я вцепился в вожжи, а не бросился наутек от медведя, — я и сам не знаю. Очевидно, от страха и растерянности. Уж слишком быстро все произошло.

В общем, и рассказывать долго тут не о чем. Лошадь все же вырвала из моих рук вожжи, но тут же зацепилась ими за сучья в густых кустах молодого черемушника. Когда я вскочил на ноги и приготовился дать стрекача, то увидел на дороге дядю Егора и бегущего к нему Евдокимова. Медведя не было, а сбоку, из-за толстой раскидистой ели, смущенно и опасливо озираясь, вылезал Гошка. Хотя чувство опасности еще не прошло, я все же сообразил, что надо выручать бьющуюся в кустах лошадь.

И очень хорошо сделал, что сообразил. Когда пришедшие на помощь Егор и Евдокимов вывели несчастное, перепуганное животное из зарослей, сладкой музыкой прозвучала для меня скупая Егорова похвала:

— Ладно, что удержал... Зашиблась бы на смерть скотина. Как с перетруху некоторые...

Последнее адресовалось Гошке, который рас-

строенно засопел и вопреки привычке даже не возразил ни слова.

Лошадь к дороге не шла. Вздрагивая, поджав уши, она уперлась всеми четырьмя ногами, и наши усилия сдвинуть ее с места ни к чему не приводили.

— Ладно, — сказал Егор. — Погодим немного... Тащите телегу сюда. Надо животину успокоить.

Мы с Гошкой, вслед за Евдокимовым, пошли к телеге, и тут только я понял, что произошло.

В высокой траве у обочины дороги, как больной человек, поджав лапы к животу, лежал на боку медведь. Оскалившаяся морда смотрела на нас черным, чуть прижмуренным глазом, и казалось, еще дымитесь натекая под огромную тушу большая лужа крови.

Мне стало не по себе. Не знаю, как объяснить это чувство, когда инстинктивно боишься даже убитого хищника, но именно оно приковало меня к месту.

— Ну и медвежище... — тихо поразился рядом Гошка. — Этот, конечно, у лесника в том месяцу корову задрал. У-у! Пасть какая!

Я промолчал, продолжая разглядывать впервые увиденное на таком близком расстоянии страшилище. Нет — это не в зоопарке, где шустрые мишки кажутся веселыми, компанейскими, почти домашними зверьками. Из разинутой пасти смотрели на меня большущие клыки — символы скрытых для новичка за внешней красотой диких законов леса. Если такими клыками, да такой лапищей... Я пожегился. Конечно, не от холода.

Гошка меж тем становился самым собой.

— Экий слон! Такой даст лапкой — и будь здоров! — продолжал уверенно бубнить он. — Ишь,

какой откормился... А Егор его здорово! Дуплетом. Как даст! Он и пластом... — Гошка хотел ткнуть кончиком сапога в прижатую к животу лапу зверя, но почему-то передумал и оттянул ногу назад.

Я слушал Гошку, смотрел на распростертую у ног бездвижную тушу, и мне все еще было страшно. Чудный зеленый лес уже не казался таким праздничным и нарядным. Оказывается, в нем есть и другая жизнь. Скрытая, таящаяся, полная опасностей... Смогу ли я привыкнуть к ней? Гошка продолжал разглагольствовать, а мне почему-то очень захотелось назад, в город, домой, в уютные каменные кварталы, где не накинется на тебя никакой лесной хищник.

Посоветовавшись, дядя Егор с Евдокимовым решили погрузить тушу медведя на телегу и побыстрее отвезти ее в село. Но запряженная и немного успокоенная Егором лошадь никак не хотела подходить к зверю. Мы долго понукали, тянули ее к дороге, но безрезультатно.

Нас выручили буровики ночной смены, возвращавшиеся на базу с поискового участка. Когда грузовики остановились возле поверженного хищника, здоровенные ребята в грязно-зеленых спецовках гурьбой повалили из кузовов и веселой толпой окружили мохнатую тушу. Нас оттерли в сторону, и мы с внезапно проснувшимся чувством ревности толкались за спинами буровиков.

— Подумаешь... На убитого-то хорошо глазеть. Посмотрел бы я, как они газовали бы от живого... — сердито ворчал Гошка, переминаясь возле грузовика.

Один из буровиков, очевидно из местных, завистливо басил в толпе: — Ай да Егор! Сала нато-

пит, шкуру сдаст да деньги получит... Это у него третий за год. Егор! Это уже третий? А?

Дядя Егор только фыркнул, как сердитый кот, и стал открывать задний борт автомашины.

Когда буровики, подхватив мертвого медведя, потащили его в машину, чувство страха перед лесом у меня окончательно прошло, и я даже попробовал помочь грузить зверя. Но дюжих парней хватало и без меня. Я без толку посуетился около толпы, а когда грузовики ушли, — огляделся. Нет, лес и горы по-прежнему красивы и нарядны. Что из того, что есть в них дикие звери? В этом лесном мире все равно властвует человек, и никто не может оспорить этой власти, никакой хищник. Хоть бы и наш медведь...

— Ну, тронулись, — кратко скомандовал Евдокимов, и наш небольшой караван двинулся дальше.

Я снова иду позади всех, снова смотрю на увитые зеленью горы и подставляю жарким лучам исцарапанную грудь. Мне не очень больно. Правда, при малейшем шорохе в кустах я невольно вздрагиваю и опасливо вглядываюсь в глубину леса, но это несколько не мешает мне радоваться солнцу, интимному перешептыванию берез, сверкающей зелени трав и всей грудью пить клубничную амбру золотисто-синего летнего дня. Я вспоминаю свой недавний испуг и громко хохочу. Хохочу так, что дядя Егор невольно оглядывает себя, отыскивая, чего я нашел в нем смешного. Глядя на меня, Гошка тоже начинает подхохатывать. Егор с Евдокимовым переглядываются, а мы хохочем. Конечно, это от молодости и глупости, а может быть, и от сознания миновавшей опасности...

— Вот! — ткнул пальцем Евдокимов в крашенный кусок рельса, вцементированный в скалу. — Это репер. К нему мы будем привязывать створ. Ясно?

Мы с Гошкой беспомощно переглянулись, а потом стали озираться.

Уж куда яснее! До реки было почти полкилометра, и мы не имели ни малейшего представления, как это можно «привязать» то место, где мы обычно замеряем расход воды, к этой железяке. То, что Гошка был просвещен не более меня, я понял по его жалобному вопросу:

— А что за штука — репер?

Евдокимов пояснил без предисловий:

— Когда геодезисты производили топографическую съемку этой местности, то в различных местах соорудили вот такие репера, то есть особые знаки, у которых точно известна их высотная отметка — высота над уровнем моря. Вот отметка этого репера триста двенадцать метров. Ясно?

— ?

Евдокимов досадливо поморщился.

— Геодезисты специально соорудили этот знак и отметили его на карте. Высота его над уровнем моря ровно триста двенадцать метров. Ясно?

— Ясно, — подумав, сказал Гошка, а я промолчал, хотя мне хотелось задать сразу кучу вопросов.

Дядя Егор невозмутимо закуривал, положив кiset на столь почтенный кусок железа.

Стрельнув по нашим лицам быстрым взглядом маленьких глаз, Евдокимов вдруг пояснил:

— По всей стране, там, где проводятся топографические работы, геодезисты устанавливают по определенной системе топографические знаки. Вот такие высотные репера и триангуляционные вышки для угломерной съемки местности. Видели в поле или в лесу вышки?

— Ага... — оживился Гошка.

— Вот это и есть геодезические триангуляционные пункты.

— А для чего они? — опередил меня Гошка.

— Видите ли... Топографы знают, что в любом районе рано или поздно будут что-то строить, прокладывать дороги, проводить геологические поиски... И тогда их знаки будут крайне необходимы строителям и изыскателям. Вот, к примеру, наши буровики сейчас бурят на руду. В долине до пласта боксита всего глубины-то пятьдесят-сто метров, а на горе бурят скважины уже на глубину двести пятьдесят-триста метров. Как же расположена рудная залежь по отношению к поверхности земли? Ведь надо от чего-то танцевать. Надо знать, на сколько гора возвышается над долиной, на сколько одна гора выше другой, да и сама долина очень неровна, имеет уклон. Вот благодаря этим топографическим знакам мы и сможем знать высотную отметку и координаты каждой скважины. Когда составляем геологические карты и разрезы, мы составляем их в абсолютных отметках, то есть в метрах над уровнем моря.

Вот у нас тут горы. Одна скважина глубиной сто метров, другая — триста, а на картах, по отношению к уровню моря, наше месторождение оказывается очень пологозалегающим. Как на блюдецке! — Евдокимов сложил пальцы так, как держат блюдо старушки, и хитро сощурился. — Вот этот репер. Он на триста двенадцать метров выше уровня моря, а вершина вон той горы имеет отметку 556. — Он указал на гору. — Следовательно, она возвышается над нами на двести сорок четыре метра. Ясно?

Мы задрали головы вверх.

— Эта система высотных отметок и помогает нам определить взаимоположение предметов на поверхности и в глубине между собой. Все взаимосвязано, — продолжал Евдокимов. — Все технические проекты и планы всех крупных сооружений составляются во всем мире в абсолютных отметках, то есть в метрах по отношению к уровню моря.

— Правильно! — всполошился Гошка. — Основания под плотины гидростанций тоже рассчитываются в таких отметках, а не в метрах по отношению к тому или другому берегу. Я знаю.. Да!

Я даже вспотел от досады. Как это я раньше Гошки не вспомнил?! Ведь я на днях читал ему вслух газетную заметку о закладке основания Красноярской ГЭС.

— Коль так, — деловым тоном скомандовал Евдокимов, — тогда к делу!

Гошкину бодрость как языком слизало, и он, как и я, растерянно затоптался, не зная, что делать. Дядя Егор невозмутимо продолжал курить.

— Что встали? — сощурился Евдокимов. — Не

знаете, что делать... Мда... Чему вас только в школе учили...

Этот намек, конечно, был в мой адрес, и хорошее настроение мое разом куда-то испарилось. Обычный евдокимовский прищур сразу показался ехидным и едким.

— Вот... — Евдокимов открыл крышку ящика и вынул оттуда прибор, похожий на маленькую подзорную трубу. — Это нивелир. Прибор для высотных привязок на местности. Суть его в том, что он строго параллельно по отношению к земле устанавливается на штативе между измеряемыми точками. Если мы вот эту размеченную цифрами рейку ставим на репер и другую рейку, в пределах видимости, в нужном нам направлении... — он махнул рукой в сторону реки и опять взглянул в наши напряженные лица. — Тогда мы устанавливаем нивелир между рейками и по разности цифр на них точно высчитываем, на сколько одна рейка стоит выше или ниже по отношению к другой. Прибор-то ведь у нас установлен строго параллельно...

— Понятно, — сказал Гошка.

Евдокимов мотнул головой. Он не любил, когда его перебивали.

— Первое измерение мы записываем, снимаем рейку с репера и переносим еще дальше, в то время как вторая рейка остается на месте. Переносим нивелир и снова ставим его между рейками и опять отсчитываем разницу высот...

— Ясно! — закричал Гошка. — А потом вторую рейку переносим еще дальше и опять переставляем нивелир! И так далее до створа! Ясно!

— Так, — согласился Евдокимов. — Это называется прогнать нивелирный ход до объекта привязки. А потом обратно. Для контроля.

— Тогда чего тянуть... Давайте начинать! — заторопился Гошка, и я, подстегнутый его энергией, тоже заспешил к телеге.

Во мне проснулось какое-то смутное, но острое желание посмотреть на деле, как это получается, самому сделать эту привязку, пусть хоть и под руководством Евдокимова. Наверное, такое же чувство испытывает портной, садясь за шитье первого костюма, слесарь — начиная сборку первого станка. Сделать самому! Впервые сделать настоящее, нужное, осязаемое, не для учебы, а для дела... Ведь я для дела еще никогда и ничего не делал.

Очевидно, я слишком заторопился, так как Евдокимов даже удивленно оглянулся на меня. Сам не знаю почему, но под его взглядом я поспешил придать лицу равнодушное выражение и сразу сменил резвую рысь на валкую, ленивую походку. Почему? Не знаю. Честное слово!

Но огонек вспыхнувшего было интереса не погас. Я только припрятал его от колющих Евдокимовских глаз и с тихим азартом потянул штатив с телеги.

— Отставить, — спокойно остановил нас Евдокимов. — Сначала отвезем инвентарь к створу.

На берегу, у перетянутого через реку троса, мы скинули с телеги кирку и две лопаты. Потом Евдокимов взял шесть колышков и прямо против водомерной рейки стал вбивать их через небольшие интервалы, поднимаясь от реки по крутому берегу.

Мы с любопытством наблюдали за ним. Евдокимов делал свое дело неторопливо, часто приме-

ряясь к береговому подъему, и мне даже показалось, что он не работает, а колдует.

Забив последний колышек на самом верху речной террасы, начальник довольно потер руки и подошел к шести просмоленным коротким бревнам, привезенным нами накануне. Внимательно осмотрев их, он так же внимательно поглядел в наши лица и неожиданно сказал:

— Вот... Мы сейчас займемся привязкой, а товарищ... товарищ Паздеев выроет для береговых реперов шесть ям. В тех местах, где поставлены колышки. Ясно?

У меня потемнело в глазах от обиды. Конечно, кто же, кроме Паздеева, может копать ямы... Они займутся привязкой, а Костюха — ройся в земле. Кому же еще... От запершившей в горле злости и жалости к себе я даже не сказал обычное: «Ясно».

Очевидно, выражение моего лица так изменилось, что даже Гошка при всем его восторге перед предстоящей ему ролью заметил это. Ему, видимо, стало жалко меня.

— А чего их копать... — неуверенно вступился он. — Может, не надо...

— Надо, — сухо отрезал Евдокимов и уже мягче пояснил. — При сильных дождях уровень воды поднимется и мы не сможем подойти к рейке, а в ледоход ее вообще снесет. Когда в паводок зальет первый репер, мы сможем подойти, смерить толщину слоя воды над ним, а отсюда и вычислить абсолютную отметку уровня воды. Если уровень воды еще поднимется и зальет второй репер — мы будем пользоваться им. В общем, с поднятием уровня воды река будет разливаться и нам надо иметь заранее подготовленные точки для замера. В весен-

ний паводок, я полагаю, нам придется пользоваться пятым репером. Вот таким образом...

Голос Евдокимова казался мне сейчас особенно скрипучим и нудным.

— Ясно? — опять спросил он.

— Ясно... — сказал Гошка и снова жалостливо посмотрел на меня.

Несмотря на клокотавшие во мне обиду и злость, я постарался как можно равнодушнее кивнуть и молча отправился за лопатой и киркой. Когда я свирепо отвалил первый ком глины, Евдокимов наставительно пояснил:

— Ямы рыть глубиной не менее метра. Сваи закапывать так, чтобы от поверхности земли выступало не более тридцати сантиметров. — Он помолчал и тихо добавил: — Сваи закапывать просмоленным концом вниз.

— Ладно... — не поднимая головы, заставил себя откликнуться я.

Он еще постоял немного рядом, а потом дал команду трогаться. Когда тележный стук затих, я отшвырнул кирку в сторону и сел на землю. «Подумаешь, аристократы... Нужна мне ваша нивелировка...» — ругался я в душе и старался убедить себя, что мне все равно. Но твердил это, пожалуй, чтоб не расплакаться. Мне и вправду было здорово обидно.

Если говорить по чести, то я понимал Евдокимова. Выкопать шесть ямок в щебенистой глине такому парню, как я, — плевое дело. Я самый здоровый среди них. Но обида оставалась обидой, и я ничего не мог с ней поделать.

Почему-то нам в школе всегда внушали, что мы станем инженерами, писателями, докторами и еще

черт знает кем. Но такими вот работягами, как говорят у нас в партии... Нивелировку — с рейкой бегать — и то не доверяют...

Когда наши нивелировщики прогнали первый ход со створа, я закапывал четвертую сваю.

— Здорово просто! — восторженно подскочил ко мне Гошка. — Главное — уметь записывать отсчеты! А вообще-то ничего особенного. Ты сразу поймешь.

Я был настроен на мрачный лад и потому промолчал.

— Что ж... Теперь можете поменяться, — не приказал, а скорее предложил Евдокимов. — Сейчас пойдем обратным ходом.

— Идите... — огрызнулся я.

— Ты что, обалдел? — налетел на меня Гошка. — Давай лопату. Я dokonчу.

— Ничего, я сам доделаю, — решительно отказался я; мне и вправду в этот момент хотелось побыть одному — интерес к «привязке» уже почти пропал.

Гошка еще долго удивленно прыгал бы около меня, но Евдокимов, почесав затылок, велел взять ему рейку.

— Всякий дурак по-своему с ума сходит... — не обращаясь ни к кому, пробормотал дядя Егор, но я его прекрасно понял.

«Ну и пусть дурак. Год как-нибудь дотяну, — продолжал сердито размышлять я, оставшись один. — А там... там...» Что будет «там», я не имел ни малейшего представления. И занесло же меня каким-то беспутным ветром в эту гидрогеологическую партию, да еще в хозяйство скрипучего Евдокимова!

Я успел умыться и отдохнуть к тому времени, когда мои коллеги вернулись к реке. Я про себя так и назвал их «коллегами», — вложив в это слово все возможное ехидство, соразмерное с моей обидой.

Они пришли потные и, очевидно, весьма довольные друг другом. Дружно раздевшись и громко переговариваясь, сразу полезли в реку. Даже дядя Егор, с крестьянской обстоятельностью оглядев дно, разоблачился, загнул до колен кальсоны и, восторженно прихивая, стал мыться.

Я сижу к ним спиной и мне до зуда в груди хочется кинуться вместе с ними в воду, побарахтаться, понырять...

Сдержаться от этого соблазнительного желания мне стоит большого труда. Хочешь не хочешь, а надо быть принципиальным. То, что такая принципиальность необходима, — я не сомневаюсь, хотя папа раньше часто называл меня за такое поведение «упрямым козлом». Эх, папка-папка, ничего-то ты сейчас не знаешь!

— Ну, ты уже все шесть свай заделал? — весело спрашивает Гошка, припрыгивая возле меня на одной ноге.

Я только пожал плечами. Что толку отвечать на столь бессмысленный вопрос, когда и так все на виду.

Гошка не обижается. Страшно фальшивя, он напевает под нос «Подмосковные вечера» и натягивает штаны. Так фальшивить, как фальшивит Гошка, — надо уметь. Над моим слухом смеялись в классе, предлагая петь в школьном хоре партию телеграфного столба, то есть только гудеть. Но

Гошка... Даже я не могу переносить этого полунапева-полумяукания.

— Брось ты выть, — не выдерживаю я. — Как на бойне!

— Нищё... Пушай себе... — приахивает дядя Егор, продолжая плескаться. — Всяко дыхание да славит господя!

— Сами вы — всяко дыхание... — беззлобно отругивается Гошка, но петь перестает.

Через минуту он уже пристает к Евдокимову:

— Николай Петрович, а зачем нам уровень воды вычислять в абсолютных отметках? Ну, руда, горы — это понятно. А то ведь вода. Бежит...

Евдокимов отвечает не сразу. Он неторопливо одевается, а потом подходит к рейке.

— А график колебания уровня воды ты в каком измерении будешь составлять? — неожиданно спрашивает он.

Гошка привычно чешет затылок.

— Гидрометрическая служба страны ведет измерение уровней воды во всех речных и озерных бассейнах только в абсолютных отметках, то есть в метрах над уровнем моря, — монотонно поясняет Евдокимов. — Что толку, когда водомерная рейка не занивелирована. Все наблюдения твои относительны. Колебания уровня воды, а следовательно, и расхода реки привязать не к чему. Что могут значить колебания уровня по отношению к какой-то рейке? Сбило бревном или льдиной твою рейку — и все. Данные твоих измерений повисли в воздухе. А вот когда ты ведешь измерения по всем правилам, тебе ясно, что на данной реке, в данном месте, при уровне воды во столько-то метров над уровнем моря — расход такой, а при повышении уровня,

скажем, на метр — другой. Это уже научные данные. Занивелировав наш створ, мы сделали его как бы равноправным, включили его в общесоюзную гидрометрическую сеть. Теперь наши наблюдения имеют настоящую научную ценность.

— Нда... — глубокомысленно мычит Гошка и с почтением смахивает песок с крашенных торцов моих прозаических свай.

— Ну-ка... Сделаем первый замер, — вдруг обращается ко мне Евдокимов. — Нуль нашей рейки: двести девяносто девять с половиной метров. Какой сейчас уровень воды в реке?

Стараясь сдержать себя, чтобы не кинуться бегом, я подхожу к рейке. Отсчитываю. Шестьдесят пять сантиметров.

— Отметка уровня: триста метров пятнадцать сантиметров, — как в школе, четко рапортую я.

— Правильно, — обыкновенным голосом говорит Евдокимов и без всякой спешки делает в журнале запись.

Гошка, отталкивая меня, лезет к рейке и проверяет отсчет.

Он долго сопит, сидя на корточках, а потом с легким разочарованием вздыхает:

— Двести девяносто девять с половиной метров плюс шестьдесят пять сантиметров... Правильно.

Я тоже присаживаюсь на корточки и смотрю на раскрашенную бело-черную водомерную рейку с невольным уважением. Нет, теперь она для меня не простая разнумерованная труба, вбитая в дно реки, а нечто более серьезное и важное...

Обиды моей уже почти нет.

РЕКА ЗАДАЕТ ЗАГАДКИ

Август выдался на редкость дождливым. Кутаясь в клеенчатые плащи, мы целыми днями месим резиновыми сапогами грязь, перебираясь от одного гидрометрического поста к другому. Замеряем резко увеличивающийся расход взду-

вшихся рек и речушек, определяем возросший дебит источников и родников. Холодно, сыро, грязно. Но Евдокимов чем-то доволен. Он оживлен и охотнее, чем обычно, отвечает Гошке на его бесконечные «почему». Они, похоже, сдружились. Гошка щедро угощает начальника шаньгами из своей неисчерпаемой брезентовой авоськи и, видимо, готов слушать скрипучего Евдокимова даже во сне. Я, кажется, начинаю ревновать его к щуплому неприятному начальнику.

— Нет, ты послушай, что он толкует! — певуче восхищается Гошка. — Умен черт! Я, брат, решил. Гидрогеология по мне. Интереснейшая штука! На будущий год мотану в горный институт. Факт. Дело серьезное, ответственное. Это по мне. Да.

— Ну и мотай! — злюсь я.

— Тьфу! Не пойму я тебя! — недоумевает Гошка. — Парень ты вроде подходящий. А вбил себе в голову чего-то... И чего ты такой ершистый?

Где ему меня понять... Ему хорошо. Он уже знает, что он хочет и что ему надо. А я... Я все еще ничего не знаю, я все еще «болтаюсь в жизни без

тропы, без дороги», как образно выразился наш отрядный философ дядя Егор. Самое паршивое на свете — не знать, что тебе надо и на что ты, собственно, годен.

А дождь идет и идет. Мы бредем по чавкающему под ногами бурому месиву, которое в сухое время называлось дорогой. Мы устали и даже Гошка перестает трещать о том, как он поступит в горный институт и как это будет здорово. Легкий парок идет от лошадиной спины. Лошади тоже нелегко, и потому дядя Егор слазит с телеги. Я со злостью вытягиваю ноги из липкой, хваткой грязи и думаю, думаю...

Нет, я настоящий неудака. В партии очень много служб: бурение, откачки, строительный цех, гидрохимическая лаборатория, камеральное бюро, механическая служба, хозяйственная... бухгалтерия, наконец, черт возьми! — везде есть что-то интересное, умное, к чему стоит присмотреться, а мне обязательно надо очутиться в «гидрометрии». Будто ее специально для меня и выдумали... Увидела бы меня мама в плаще, сапогах, грязного, злого!

— Тпр-рру! — неторопливо командует дядя Егор и все мы как вкопанные замираем на месте.

— Чего еще? — коротко интересуется Евдокимов.

Дядя Егор, изменив обычной своей бесстрастности, с изумлением осматривает отвалившееся заднее колесо, потом свежий слом толстенной железной оси и только качает головой. Конец этой оси, на которой сидело колесо, обломился. Удивительно, как могло это случиться, да еще при полупустой телеге?

— Чему быть — того не миновать... — рассудительно резюмирует Егор, возвращаясь в свое обычное состояние, и начинает заваливать колесо в телегу.

Мы помогаем ему вырубить березовую слегу и закрепить ее вместо колеса, забираем немудреное имущество и тащимся далее по своему маршруту уже одни — Егор заворачивает обратно.

Я тащу тяжелую штангу и остро завидую дяде Егору. Наше импровизированное общежитие в деревенской горнице кажется мне сейчас самым милым и желанным местом на земле. Мне чудится даже, что я слышу дурмнящий теплый хлебный запах, несущийся из хозяйской кухни, где стряпает наша разбитная хозяйка. Хорошо бы сейчас отведать хрустящей горячей горбушки, да еще с теплым молоком...

А дождь идет все сильнее и сильнее. Небо затянуло сплошной темно-серой облачной хмарью, и нам всем ясно, что ждать окончания дождя нечего, что надо (хочешь не хочешь) тащиться дальше.

Последние замеры расхода воды мы берем на реке Каменке. Эта речушка сейчас вздулась и несется по узкой долине между скал со свирепостью взбесившегося зверя. Она и вправду похожа на сумасшедшую, эта Каменка. В обычное сухое время ее можно назвать речушкой. Бежит она, напитанная ручейками и источниками, с горного хребта. Бежит, бежит... и нет ее. Как-то постепенно уходит под землю, а потом снова появляется, выбивается на поверхность мелкими родниками в пересохшем

русле. Теперь она полноводна, бурлива, перекатывает своим стремительным течением и мелкие валуны известняка, и вырванные из берегов кусты, и огромные коряги. И сейчас Каменка преподносит нам загадки. Около устья, у места ее впадения в реку Ай, расход Каменки на несколько кубометров в секунду меньше, чем на верхнем створе, у подножия хребта. А ведь на этом участке, между створами, в Каменку впадает добрая сотня ручьев и бурных дождевых потоков. Куда же девается несколько тысяч литров воды в секунду?

Я хочу спросить об этом Евдокимова, но не решаюсь. Евдокимов тоже чем-то обеспокоен и взбодражен. Он несколько раз заставляет нас измерить расход воды, двигаясь вверх по течению, и видя, что поток возрастает медленно, дает отрывистую команду:

— Пошли вдоль русла. Назад. К хребту!

Дождь, дождь, дождь. Подниматься вверх по усеянной щебнем и глыбами речной долине, да еще с проклятой штангой на плече, тяжело. Но я молчу и иду впереди всех. Может быть, в другое время я бы и сказал что-нибудь Евдокимову, а то и совсем отказался бы идти — время уже вечернее и маршрут весь пройден, но я молчу и иду впереди. Я смутно понимаю, что эти недостающие тысячи литров в секунду уходят куда-то в землю. Куда? Как? Ведь там, в глубине, в какой-то сотне метров от поверхности земли, — богатейшее месторождение боксита... И я ничего не говорю Евдокимову, который мечется вдоль русла, то опускается к самому урезу воды, то взбегают на глинистую террасу, не говоря, потому что меня самого начал грызть червь любопытства и беспокойства. Я оглядываюсь назад,

на щуплую взбудораженную фигурку, и соображаю: «Куда она исчезает? Это ведь целая река!»

А дождь все идет и идет. Идет все сильнее и сильнее. Евдокимов забежал уже вперед нас и продолжает, как бы пригнувшись, пристально всматриваться в реку. Я тоже смотрю на ее бурное течение и стараюсь заметить в русле место, где вода уходит под землю, но мне это не удастся. Везде волны, водовороты...

— Есть! Вот! — резко, отрывисто кричит Евдокимов и начинает еще энергичнее бегать вдоль шумного потока, ответвляющегося от реки и пропадающего в кустах. — Я так и думал. Не может быть, чтобы такое количество воды фильтровалось сквозь дно на таком коротком участке!

Мы с Гошкой добегает до обрыва, смотрим сначала на поток, потом друг на друга и самодовольно улыбаемся, будто это мы полагали, что такое количество не может «фильтроваться». Я испытываю чувство, знакомое с детства, когда при игре в прятки тебе удастся найти особенно далеко спрятавшегося приятеля. Я так и говорю:

— Не спрячешься! — И сваливаю носком сапога в поток огромный кусок глины.

— Ага! Не спрячется! — весело подтверждает Гошка и бежит вслед за Евдокимовым.

Я еще раз оглядываюсь. Ну, конечно. Мы не могли заметить поток, так как шли с верхнего створа к устью по другому берегу.

— Костюха! Сюда! — орет Гошка, и я несусь сквозь кусты к почти отвесной известняковой стене, кое-где увитой зеленью. — Смотри! — продолжает

орать Гошка и указывает мне на небольшую пещеру в этой отвесной скале.

Бурливый поток уходит прямо в ее черную пасть. Эта пещера нам знакома. Ее как-то показывал нам дядя Егор, и мы с Гошкой добросовестно облазили тогда почти всю эту каменную клетку от входа до округлого свода. Тогда в пещере было сравнительно сухо, только устлавшие дно окатанные валуны да куски дерева и засохшей тины, застрявшие в расщелинах в конце ее, говорили о том, что здесь бывала вода.

— Ты не смотри... Это у нее только вход небольшой, а сама она — огро-омная! — продолжает орать Гошка, будто я не лазил вместе с ним в темный грот.

Евдокимов мечется у входа в пещеру. Он пере-скакивает с одной каменной глыбы на другую, между которыми разветвился поток, и что-то со-ображает. Мы подходим к нему и тоже оглядываемся. Да, замерять расход — сколько воды протекает в пещеру — нельзя. Вода перекачивается по валунам, и во многих местах поток разделен на несколько рукавов огромными глыбами известняка. Наш начальник, откинув капюшон плаща, огорченно чешет худой затылок, подбирается к отверстию в обрыве и, скрючившись, заглядывает в него. Он похож на маленький знак вопроса. Мне в первый раз хочется ему чем-нибудь помочь.

— А если в самой пещере замерить! — неуверенно предлагаю я, вспомнив, что сам вход в пещеру был чист и имел форму глубокого трапецевидного углубления в монолитном известняке.

— Точно! — обрадовался Гошка. — Идеальный водослив!

— А места нам хватит? — нахмурился Евдокимов.

— Хватит! Дом втолкнуть можно! — засуетился Гошка и полез было к пещере, но Евдокимов ухватил его за плащ.

Он сделал это своевременно. Измерив палкой глубину потока, мы увидели, что под каменным козырьком, нависшим над входом в пещеру, дно резко уходило вниз и воды было уже около метра. Недолго подумав, Евдокимов скинул плащ, разделся донага, завернул в плащ одежду и передал сверток Гошке. Маленький, худенький, держа в вытянутой тонкой белой руке электрический фонарь, он осторожно полез в мрачную расщелину под нависшей скалой. Сложное чувство тревоги и какой-то вины охватило меня. Тревоги за Евдокимова и вины за то, что это не мы, здоровые и сильные, пошли сейчас из-под серого неба в темноту и неизвестность.

«А вдруг обвалится там что-нибудь...» — подумалось мне, и я невольно пододвинулся вплотную к Гошке.

А дождь идет и идет. За шумом потока не слышно частой дождевой капли. Вода не пробивается сквозь наши плащи, но нам с Гошкой почему-то становится одинаково зябко и даже жутко. У меня мурашки бегут между лопатками, будто попал за ворот ручеек студеной дождевой воды. Проходит минута, другая... В мрачной черноте пещеры часто мелькает желтый лучик света и так же стремительно несется в нее пенистая лавина воды. Наконец, Евдокимов выныривает из-под скалы и лающе командует:

— Паздеев, раздевайся. Лезь сюда! Трапезников, давай мое бельишко. Выруби рейку метра на два и разметь!

Я торопливо раздеваюсь, свортываю одежду в плащ и, ежась от холода и противной дождевой мороси, лезу вслед за начальником в темную дыру.

Оттого что впереди меня белеет узкая спина Евдокимова, мне не особенно страшно, хотя, если говорить правду, под ложечкой что-то противно побулькивает.

В пещере еще холодней, чем снаружи. Евдокимов лезет куда-то вверх, потом появляется над мной на каменном выступе и кричит, показывая лучом света куда-то вбок:

— Давай, сюда конец заваливай!

Я смотрю туда и вижу здоровенное бревно, занесенное в пещеру бурным потоком. Оно застряло между глыбами известняка.

Передав узел с одеждой вверх, осторожно подбираюсь к бревну и, обдирая скользкую кору с его ствола, начинаю забрасывать комель с выступа на выступ, туда, где стоит голый Евдокимов. Бревно тяжелое, скользкое, и забросить его удастся мне не скоро. Лучик света заботливо пляшет рядом, и страх куда-то улетучивается, хочется даже расхотаться от необычности обстановки и нелепости нашего вида.

Наконец, комель заброшен. По команде Евдокимова я закидываю в нишу, на противоположной стороне свода пещеры, другой конец бревна, и у нас получается какое-то подобие мостика над рвущимся в пещеру потоком.

— Эй-эй! — орет оттуда, с белого света Гошка,

и я, нырнув под каменный козырек у входа, принимаю от него топор и сверток с его бельем.

Забравшись в полумрак пещеры, Гошка трусливо озирается, неуверенно щупает около себя ногой дно и задирает конопатую физиономию вверх. С грубо вытесанной из бревешка рейкой и штангой в руках он чем-то напоминает мне мифического Нептуна, я задиристо хохочу, совсем забывая свои недавние страхи. Гошка смотрит на нас и тоже начинает неуверенно хихикать.

— Рассмеялись! К делу! — сердится Евдокимов. Он явно принимает наш смех в свой адрес.

Мы тактично замолкаем и быстро исполняем отрывистые распоряжения. Наш маленький голый Зевс стоит наверху, на каменной площадке, но его цепкий взгляд уже почему-то не раздражает меня. Наоборот, когда указующий лучик его фонарика прыгает по моим рукам, — мне становится веселее. Я промеряю глубину и ширину потока под самым бревном, закрепляю намертво рейку, а Гошка, сидя верхом на бревне, ловко стесывает его округлую поверхность, так что по нему можно теперь ходить как по взаправдашнему мостику. Когда все конечно и мы, стуча зубами от холода, одеваемся, Евдокимов закрепляет на штанге вертушку и подключает провода к счетчику.

— Вы бы оделись... — неуверенно советую я, но он сердито отрезает:

— Одеваться. И к счетчику. Быстро!

Я торопливо натягиваю рубаху, и мне нисколько не обидно. Внизу, под нами, будто в каменном лотке, бушует поток, и мы с Гошкой многозначительно переглядываемся: позицию для замера Евдокимов выбрал действительно классную.

В КАМЕННОМ ПЛЕНУ

Николай Петрович спешит взять первый замер, и я торопливо хватаю наушники и секундомер. Когда расход измерен и расчет сделан, Евдокимов берет блокнот и весело нам подмигивает.

— Т-так-с и есть. Значит, в русле реки теряется не более двух к-кубов! — Он торопливо одевается, стучит зубами и не может сдержать скупой довольной улыбки. — П-поймали г-голубушку! Т-так-с!

Мы с Гошкой тоже натягиваем на себя плащи, начинаем бить друг друга по спине — нам становится весело и даже чуть-чуть жарко.

— Николай Петрович, а почему вода в Каменке теряется? — осмелев, впервые спрашиваю я, и мне тут же становится не по себе при мысли, что Евдокимов сейчас победно усмехнется.

Но он не смеется. Пристально поглядев мне в лицо, он одобрительно хлопает меня по плечу, гасит фонарь и в ревущей темноте громким резким голосом рассказывает:

— Видел скалы у села? В них расщелины, трещины, пещеры. Есть целая группа пород, которые довольно легко поддаются разрушительному действию воды. Вода вымывает в них трещины, ямы, гроты... К таким породам относятся и известняки с доломитами, распространенные в нашем районе. В них тоже много вымоин, пустот, трещин. Это

так называемый карст. Карстовые пустоты. Так вот реки (не только Каменка), которые протекают по таким закарстованным породам, — теряют часть воды. Сквозь песок и галечник, устлавшие дно реки, вода фильтруется и поглощается этими пустотами и вымоинами, которых очень много в коренной породе.

— А дальше куда она девается? — не выдерживаю я.

— Карст распространяется порой на многие сотни метров в глубину, — терпеливо продолжает Евдокимов. — Поглощенная в руслах рек или других участках поверхности вода проникает вниз, обводняя миллионы кубометров закарстованных пород...

— Нда... — задумчиво констатирует Гошка, и я невольно напрягаю воображение, стараясь представить себе, как это получается.

Будто отгадав мои мысли, Евдокимов включает фонарь и направляет луч света в конец пещеры, туда, где между острых глыб черного блестящего известняка, вскипая, исчезает поток.

Мне опять становится немножко жутко, но я все же спрашиваю:

— Мы для этого и замеряем расход воды во всех речках и источниках?

— Конечно! — радуется чему-то Евдокимов и опять гасит фонарь. — Вообще-то гидрология наука обширная. Она изучает режим и законы формирования поверхностных водоемов. Гидрометрия — только ее раздел. В данном случае для нас очень важно знать, сколько воды теряют реки на данную фильтрацию на территории месторождения.

— Понятно! — кричу я. — Мы для этого и

имеем на каждой речушке по несколько створов, чтобы уловить потери воды!

— Точно!

Нет. Голос Евдокимова вовсе не неприятный. Он просто резкий, отрывистый. Так чего тут особенного? Рождаются ведь люди не с тем цветом глаз, который им хотелось бы иметь. Ерунда какая... И когда я выдумал, что голос у Николая Петровича скрипучий?

— В большей своей части различные крупные месторождения приурочены именно к известнякам, — продолжает Евдокимов. — Представьте себе наш район. Он со всех сторон ограничен горными хребтами. С внутренней стороны этих хребтов сток воды в виде рек и ручьев идет в нашу сторону. Все они протекают возле месторождения или над ним. Зона, ограниченная хребтами, — это так называемая площадь водосбора. Мы точно знаем ее площадь в квадратных километрах. Из данных метеослужбы нам известно, сколько выпадает осадков. Следовательно, нетрудно подсчитать, какое количество осадков в кубометрах приходится на наш район.

— Как просто! — удивляюсь я.

— Ведя замеры на всех реках, ручьях и источниках, мы почти точно знаем, сколько воды идет на поверхностный сток, то есть уносится из нашего района главной водной артерией рекой Ай. Сделав поправку на испарения и прочие потери влаги, мы можем с реальной точностью подсчитать, какое количество воды идет на подземный сток, то есть обводняет месторождение. В общем, определяем водный баланс района. Ясно?

— Ясно! — опять удивляюсь я своему невежеству, а Гошка громко гогочет.

Евдокимов снова включает фонарь, и мы видим по рейке, что уровень воды повысился.

— Интересно... — бормочет Николай Петрович. — Сколько может поглотить эта утроба...

Мы снова замеряем расход воды и опять тесной кучкой усаживаемся на нашем каменном балконе. Темнота, сырость. Полоска мерклого вечернего света, проникавшего снаружи, из входного отверстия, становится уже. Вода ревет и гудит. Интересно, идет ли еще дождь? Мне почему-то очень хочется на волю, туда, под нудную дождевую морось, в грязь... Во мне родилось и уже не исчезает чувство узника, какая-то животная боязнь этой каменной клетки. Гошка тоже теснее прижимается к моей спине и расстроено сопит. Я понимаю, что его страшит перспектива снова лезть в воду. А полоска света все уже и уже. Уровень воды повышается.

— Вот что, — после долгого раздумья решительно говорит Евдокимов. — Выбирайтесь отсюда. И домой!

— А вы? — спрашиваем мы враз.

— Надо уловить максимальный приток. Всем здесь делать нечего. Собирайтесь!

— Н-не... Я не пойду... — после минутного замешательства плачуще говорит Гошка и выдает свою тайную надежду. — Может, снизится уровень...

— Не разговаривать! — властно повышает голос Евдокимов и, помолчав, тихо добавляет: — Скоро ночь... Уровень наверняка повысится. Мы можем остаться без притока воздуха.

— Н-не... я останусь... — канючит Гошка.

— Все так все! — вдруг решаюсь я и холодею от собственной смелости.

Николай Петрович освещает наши лица, долго глядит нам в глаза и неожиданно мягко улыбается.

— Ну... Ладно...

Подбодрившись, мы берем четвертый замер.

Узкая полоска света совсем сжимается. Вот она еле брезжит и потом как-то незаметно, плавно гаснет. Мы отрезаны. Выбраться из пещеры теперь можно, только с головой окунувшись в воду. Нужно выныривать. Нам с Гошкой становится не по себе. Словно почувствовав это, Евдокимов вдруг усмеяется:

— Герои... Гидрогеолог не должен бояться воды. Бывали в шахте, в мокром забое?

Вопрос явно бессмысленный, но мы все же отвечаем вразброд:

— Н-нет...

— Надо побывать. Гидрогеолог для этого и работает, чтобы в шахте было суше...

— Это для того и откачку из скважин делают? — спрашиваю я, чтобы не молчать.

— Да. Представьте себе наше месторождение боксита. Боксит — алюминиевая руда. Сырье крылатого металла. Он очень ценен. К тому же из нашего месторождения большая часть руды может быть использована для изготовления абразивов. Абразивы — необходимейший материал для металлообрабатывающей промышленности. Видали на заводах наждачные, шлифовальные круги? Понимаете, какая ценность! И вот мы, гидрогеологи, должны сказать, как можно взять эту руду, какие приемы воды будут в шахту, в штольню, в систему

подземных выработок... Мы должны конкретно сказать проектировщикам, как можно осушить месторождение, какой мощности насосы нужно ставить на водоотлив. Для этого мы бурим гидрогеологические скважины большого диаметра, для этого ведем откачки, изучаем карст и даже занимаемся гидрометрией...

Мы с Гошкой неуверенно хохотнули.

Евдокимов продолжал:

— Представьте себе, что гидрогеолог ошибся. Неправильно провел изыскания, напутал в расчетах... Вот работает в мокром забое шахтер. Добывает руду. Идет мелкая капель со стен кровли и забоя. Вода собирается в дренажные, водосборные устройства и откачивается насосами. Работа идет. Сделали отпалку. И вдруг...

— Вот посмотрите... — Евдокимов зажигает фонарь и освещает гудящий поток, рвущийся в пещеру. — Вы представьте себе, что в горную выработку вдруг хлынет такой поток. Насосы не справляются с откачкой. До подъемника из шахты далеко. А воде стекать уже некуда. Мигом море захлестнет забой, некуда деваться шахтеру... А у него семья... дети!.. Что может подумать перед неминуемой гибелью человек там, на глубине сотен метров, в темноте и безызначности?..

Мы с Гошкой смотрим на клокочущую под нами воду, и нам обоим становится стыдно своего малодушия, своей боязни. То, что стыдно обоим, — это точно, так как мы враз соскакиваем и предлагаем сделать очередной замер. Евдокимов понимающе улыбается и соглашается.

Нет, почему я раньше не замечал этой скупой, но так много говорящей улыбки...

Пятнадцатый замер мы сделали в час ночи. Воздух в пещере как будто погустел, тяжело дышать, и мне порой кажется, что он горячий и клейкий, будто прилипает к гортани. Почему-то хочется спать, хотя мы продрогли. Одежда уже не согревает нас. Сырой, мозглый воздух лезет в каждую щель, в рукава и за ворот, и от него по телу противной гусиной россыпью растекается озноб. Мы с Гошкой дрожим и стараемся согреть друг друга слабыми тумаками. А Евдокимову хоть бы что. Он бодро прыгает по бревну, следит за уровнем воды, контролирует время замеров и начисто переписывает расчеты в особую клеенчатую тетрадь. Его неумность подбадривает нас, и мы даже пробуем рассказывать анекдоты. Но больше всего мы слушаем Николая Петровича, и я удивляюсь обилию интересных вещей в нашей скромной профессии. Оказывается, уж не такая я ничтожная пешка в организме гидрогеологической партии! Честное слово, только дурь могла толкать меня в политехнический.

В два часа ночи уровень воды установился, а еще через полчаса пошел на убыль. Дышать вскоре становится легче, очевидно, вода уже не захлестывает каменный козырек над входом. Теперь работа менее интересная. Мы просто контролируем себя, замеряя расход на ранее взятых уровнях. И может быть, от этого, а может, от усталости, нам неодолимо хочется спать. Черт с ней, с сыростью, с холодом, лишь бы хоть на полчаса сомкнуть глаза. Евдокимов сначала пробует нас тормошить, смеется, потом начинает сердиться. Это действует на нас лучше, и мы беремся за очередной замер.

Сонный, вялый, я лезу на бревно и ставлю вертушку против течения. Почему-то вспоминаются дом, мама... Ах, мама-мама! Если бы она видела меня сейчас. Я уверен, что она на себе утащила бы меня на станцию, к поезду, подальше от этой распроклятой гидрогеологической партии. Довести до такого состояния ее ненаглядного ребенка! Загнать ночью в какую-то пещеру! Но знаю я сейчас и другое, знаю, что теперь никакая сила не сможет вернуть меня в город, на мягкую перину, к вкусным маминим пирожкам... Мое место здесь, в сырых гористых местах, рядом с Гошкой и умнейшим, пресимпатичнейшим Евдокимовым. Своенравная Каменка, закарстованное месторождение чем-то заинтересовали, чем-то влекут меня к себе. Влекут и интригуют так, как не влекло ничто и никогда.

— Готово! Переставляй! — кричит Гошка, и, встрепенувшись, я вдруг чувствую, что опора ускользает из-под ног и я лечу куда-то в бездну.

Удар! И как током пронизывает меня от обожженных тело студеной объятий воды. Дальнейшее я помню плохо. Куда тут было помнить что-нибудь! Стремительное течение перевернуло меня, когда я попробовал было встать, и поволокло. Потом, помнится, я зацепился за что-то капюшоном плаща и никак не мог поднять голову и плечи над ревущим потоком. Упругие струи хлестали в глаза, забивали рот, когда я пробовал хватить воздуха. Глоток, глоток, глоток... в глазах потемнело, и не знаю, что было дальше, долго ли еще я беспомощно бился в студеной купели.

Пришел я в себя на мокрой известняковой глыбе в конце пещеры, а рядом по пояс в воде стоял Евдокимов и держал меня за плечи, чтобы я опять

не свалился в поток. Вверху помаргивал фонарик в трясущихся Гошкиных руках.

— Жив, чертенок? — счастливо передохнул Николай Петрович, заглядывая мне в глаза. — Сорвался... Экой кульбит сделал...

— Жив... — тяжело выдавил я, окончательно обретая ясность сознания.

— Ничего не ушиб? — заботливо спросил он.

— Вроде... нет... — пошевелился я и от ощущения холода почувствовал прилив энергии.

— А я думал, захлебнешься, пока капюшон твой с камня срывал! Как капканом захватило... — весело кричал Евдокимов, придерживая меня за локоть, когда мы брели против течения к нашей каменной галерке.

— Думал — конец... — в тон ему, весело и легко признался я.

ПЕТРОВИЧ-ПЕТРОВИЧ...

Через несколько минут, держа над собой счетчик и записи, мы выбрались из пещеры. Гошка тоже не стал раздеваться и вылез вслед за нами со штангой в руках, мокрый по грудь, счастливый и возбужденный.

— Э-эх... голова! — укоризненно встретил его Евдокимов. — Надо было раздеться... Уж мы по неволе...

— Все так все! — бесшабашно хлопнул себя по мокрым бокам Гошка, сияя конопатым лицом, и кинулся обнимать меня. — Цел! С-скотина...

Дождя не было. Серый, ветреный рассвет занимался над отяжелевшими от сырости скалами. Рваные лохмотья облаков быстро проплывали над их почерневшими зубцами. У ног бушевала Каменка, сердитая и пенистая. Порывистый ветер раздувал полы наших мокрых плащей, но, после мозглой сырости пещеры, он казался удивительно теплым и мягким.

— Хорошо... — скупно улыбается Евдокимов, поднимая взгляд к хмурому, неприветливому небу, и мы с Гошкой понимаем его, тоже задираем головы вверх, с наслаждением вдыхая чистый, удивительно запашистый вольный воздух.

Хорошо после добровольного заточения в каменной клетке стоять вот так под открытым небом и любоваться пусть хоть и пасмурным, но бесконечно прекрасным миром. Что из того, что одежда на тебе мокрая и зубы выбивают мелкую надсадную дробь. Мы стоим с Евдокимовым рядом, простоволосые (у обоих фуражки сорвало потоком), очень разные и в то же время одинаково возбужденные.

— Спасибо, Николай Петрович... — догадываюсь, наконец, поблагодарить я.

Он очень внимательно смотрит на меня, потом вдруг улыбается одними своими маленькими глазами, собрав вокруг них сноп веселых морщинок, и говорит, протягивая худенькую ладонь:

— Ладно уж... Давай лапу. Молодец!

Я сжимаю его руку и вдруг осознаю, что это познание — признание настоящей мужской дружбы.

Мне совестно за свою прошлую невежливость, отчужденность, но в то же время и радостно.

Почти всю дорогу до села мы бежим бегом. Нам с Гошкой жарко. Мы тяжело дышим и стараемся сбиться на шаг, но наш неугомонный начальник подстегивает нас, задорно прикрикивая:

— Рысью! Не отставать! Гриппа хотите?

Он бежит легким кошачьим шагом и, кажется, совсем не устал. Только голова блестит под редкими мокрыми волосами.

Посреди села он останавливается, забирает у Гошки блокноты, тетрадь и командует:

— Марш домой! До завтра.

— А вы что ж... — мнемся мы, еле переводя дух.

— Мне в контору еще надо. Потеряли ведь нас. В общем — марш! — и обычной широкой, валкой походкой направляется на базу партии.

Мы долго стоим на перекрестке, глядя ему вслед, а потом устало расходимся. Гошка домой, я — в общежитие.

На следующее утро Евдокимова в конторе не оказывается. Мы с Гошкой толкаемся по кабинетам, идем в механические мастерские, но нашего маленького начальника нигде не видно.

— Куда он подевался? — тревожно косит на меня Гошка удивленные глаза, но у меня самого вертится на языке точно такой же вопрос.

Наконец, на конном дворе находим дядю Егора.

— Заболел наш Петрович, — хмурится он, сердито начищая лошадь. — Не сберегли... Орлы косо-пузые...

Мы сломя голову несемся на квартиру к Евдокимову.

Николай Петрович лежит в постели. Лицо его осунулось, как-то постарело, и обострившийся подбородок светится рыжей щетиной, точь-в-точь такой, какую я видел у него в первый день нашего знакомства.

— Вот... подгриппнул я... — слабо улыбается он, и нам становится жалко этого маленького, так похожего сейчас на старого ребенка, человека.

Мы виновато топчемся около кровати и не знаем, что говорить.

— Шанежек не хотите? — вдруг предлагает Гошка, с готовностью хватаясь за авоську.

— Спасибо... Не надо, — растроганно благодарит Николай Петрович.

У меня в кармане только бутерброд с селедкой, и я мнусь, не зная, что предложить.

— Может, в магазин надо или за врачом сбежать? — догадываюсь, наконец, я.

— Спасибо, Костя... — улыбается он и приподнимается на локте. — Вот что, хлопцы... Завтра приезжают специалисты. Настоящий гидрометрический отряд. Понятно? Будут от нас объекты принимать...

— А мы... Мы-то... — опережает меня Гошка.

Наше беспокойство, видимо, нравится Николаю Петровичу.

— Мы... — лукаво щурится он. — А мы на откочки пойдем. Настоящей гидрогеологией займемся.

— И мы тоже? — не верится мне.

— И вы.

— А начальство как? — с сомнением допытывается Гошка.

— Все согласовано. Вместе со мной на участок, — тихо подтверждает Николай Петрович и жестом приглашает нас подсесть.

Мы обрадованно хватаем табуретки и садимся вплотную к кровати.

— Вот что... — объясняет он нам. — Нужно сегодня начисто подготовить паспорта на все гидрометрические и водомерные пункты... Чтобы все в порядке было. Понятно? Ты займись этим, — кивает он Гошке.

— Есть. Будет сделано! — по-солдатски вытягивается тот.

— А ты, Костя, езжай с Егором по всем точкам. Проверь, все ли в порядке. Сделайте с ним контрольные замеры. Ясно?

— Ясно! — тоже вскакиваю я.

— Вот так. Сдадим честь по чести и — за новое дело. Понятно?

— Понятно! — одновременно рявкаем мы.

— Ну и хорошо, — удовлетворенно вздыхает Николай Петрович и виновато улыбается. — Вот.. Квельый какой стал. Глаза так и слипаются. Вроде год не спал...

Мы на цыпочках идем к двери.

— А то, может, тебе, Костя, не по вкусу работа, так можешь перейти на бурение или еще куда... — вдруг тихо говорит он вслед.

— Что вы! — вздрагиваю я от испуга и обиды. — Что вы! Это дело по мне!

— Ну и правильно! — еще раз улыбается Евдокимов, и я понимаю, что улыбка эта предназначена

только мне. — Гидрогеолог из тебя тоже должен получиться... Дельный гидрогеолог.

— Спасибо, Николай Петрович, — растроганно говорю я. — Поправляйтесь.

— Ну-ну... Давай.

Опять идет дождь. Когда мы выходим на крыльцо, порывы ветра бросают в наши лица пригоршни мелких водяных брызг. Но мы почти не замечаем этого и думаем каждый о своем. Думаем, очевидно, одинаково.

— Нда... Петрович-Петрович...

Я с радостным, легким чувством спрыгиваю с крыльца, озабоченно бегу прямо по лужам и еще не догадываюсь, что сейчас этот маленький человек с богатырской душой помог мне окончательно определить дело, которому я буду служить всю жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На перепутье	5
Я — гидрометрист	9
Хорошее настроение	15
Обида	26
Река задает загадки	37
В каменном плену	46
Петрович-Петрович...	54

Р 2 Волосков В.

В-683 НА ПЕРЕПУТЬЕ. [Пермь], кн. изд., 1963.

60 стр. с илл. (Библиотека путешествий и приключений. Вып. 12).

Редактор А. М. Граевский. Художественный редактор **М. В. Тарахова.**
Технический редактор **Г. М. Езов.** Корректор **Л. К. Крамаренко**

Подписано к печати 17/V 1963 г. Формат 70×108 1/32 0,9375 б. л. 1,875 п. л.
(усл. прив. 2,57 л.) Уч.-изд. 2,44 л. ЛБ02520. Тираж 50 000 экз. Цена 7 к.

2-я книжная типография обполиграфиздата. Пермь, ул. Коммунистическая, 57
Зак. 584.

7 коп.

Периодическое
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963